

Александр Ермак

**Жизнь
по
контракту 2**

18+

Александр Ермак

Жизнь по контракту

2. Территория ВЮГО

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55319729

SelfPub; 2020

Аннотация

Герман не выполнил условия Контракта, заключаемого с каждым членом Гражданского Общества, и просрочил время, в течение которого можно было все исправить. Молодого человека перемещают на территорию Вне Юрисдикции Гражданского Общества (ВЮГО). Там ему приходится бороться за свое собственное выживание и выживание тех, кто так же, как и он, оказался на территории ВЮГО, не совершив никаких серьезных преступлений. Пройдя ряд испытаний, Герман находит на территории ВЮГО свою девушку, а также часть старых товарищей-бунтарей, которые, как и он, были перемещены с территории Гражданского Общества. Вместе они разрабатывают план побега, который им в конечном счете удастся. Вернувшись на территорию ГО и снова связавшись с Движением, Герман со своими товарищами принимает участие в новой попытке свергнуть режим Контракта.

Содержание

1. Здравствуй, территория ВЮГО!	4
2. Деомид	21
3. В поселении каменщиков	39
4. Бандиты	55
5. В поход	76
Конец ознакомительного фрагмента.	80

1. Здравствуй, территория ВЮГО!

Германа трясло и бросало из стороны в сторону. Его голое тело то неприятно прилипало к металлу, то с болью отрывалось от него. И зацепиться рукой внутри этого большого, темного железного ящика было не за что. Герман ощущал себя букашкой, которую положили в спичечный коробок и теперь время от времени потряхивают, проверяя – там ли она еще. «Конечно, там», – подумал Герман, ощупывая ровную отшлифованную поверхность пола, стен и потолка. Никаких окон, щелей и даже болтов. Отсюда так просто не сбежишь.

Он закрыл глаза и все вспомнил. Как будто всего лишь минуту назад он ликовал у компьютера, повторяя «За Мирагоу! За Мирагоу!», считая, что штурм, организованный Движением, удался, и Агентство Исполнения Контракта уничтожено. Но теперь АИК уничтожает его. После того, как Герман решительно отверг предложение основателя-председателя стать его преемником, этот, казалось бы, умирающий старик вдруг оклемался. Сбросил с себя кислородную маску и встал из инвалидного кресла. Не без труда, но совершенно самостоятельно встал. И ожил, расхохотался. Основатель-председатель АИК смеялся долго. Очень долго. А Герман смотрел на него, ничего не понимая. А база данных никак не хотела уничтожаться.

Потом старик, наконец, прекратил смеяться. Он глядел на Германа с презрением:

– Ты действительно думаешь, что так просто можешь прийти и уничтожить труд всей моей жизни?

Герман ничего не ответил, продолжая смотреть на экран компьютера и надеясь, надеясь, хотя бы, и на чудо. А основатель-председатель АИК продолжал:

– Ты мне не верил, а ведь я тебе говорил правду. Чистую правду. У меня все под контролем. Все. И такие как ты, и все остальные.

– Но, – Герман перевел взгляд на окно, за которым дымилось здание архивов. Потом посмотрел на телевизор. На экране журналисты бойко рассказывали о ходе штурма, комментировали действия митингующих на площади людей.

Старик махнул рукой:

– Не обращай внимание. Это так... имитация...

Герман повернул голову в сторону лежащего на полу Эраста:

– А он? Это тоже имитация?

Основатель-председатель с досадой пожал плечами:

– Эраст слишком многого хотел... – и вздохнул, – А ты слишком малого. И ты получишь свое малое. Все, что заслуживаешь. Ничтожество.

Старик нажал на кнопку, вмонтированную в рукоятку кресла, и в помещение тут же вошло не меньше десятка охранников. Следом за ними – инспектор Юрико. Его про-

пустили вперед. Старый знакомый кивнул Герману:

– Вот мы и снова свиделись.

Основатель-председатель АИК усмехнулся:

– Думаю, в последний раз, – и добавил, обращаясь к инспектору, – Поговори с остальными оставшимися в живых. Может быть, кто-нибудь из них нам еще пригодится. А с этим, – перевел взгляд на Германа, – С этим больше нечего цацкаться. В расход. Увы, но он погиб при неудавшейся попытке государственного переворота.

– Хорошо, – сказал Юрико, – Я исполню ваши указания, но, если позволите, чуть позже. У меня есть некоторые соображения по этому поводу. А пока...

Инспектор кивнул одному из охранников. Тот подошел к Герману и достал из наплечной сумки шприц. После укола Герман потерял сознание так быстро, что даже не почувствовал, как упал на пол...

«Он погиб при неудавшейся попытке государственного переворота... Он погиб при

неудавшейся попытке... Он погиб...» В голове Германа снова и снова звучали слова, сказанные основателем-председателем АИК. Погиб... Но он же ощущал себя вполне живым. Его слушаются ноги и руки. Почти. Одна рука в полном порядке. У второй саднит раненое в схватке с Эрастом плечо. И еще Герман чувствует кожей холодный, липкий металл под собой. Значит, не погиб. Значит, все-таки живой. Да, по какой-то причине его не убили сразу же в здании АИК, и те-

перь, судя по всему, везут в этом железном ящике в другое место. Но зачем? Какой в этом смысл? Столько его товарищей полегло на разных этажах здания АИК... Одним трупом меньше, одним больше. Лежал бы сейчас рядом с героически погибшим слесарем Кареном...

И тут же Герман вспомнил о Еве, о раненной Еве. Донесли ее до больницы Сильная рука? Или и он сам попал под огонь охранников АИК?

Герман с горечью подумал о своем отряде, с которым штурмовал здание. Напрасно. Все жертвы Движения оказались напрасны...

Его снова тряхнуло. В голову пришла логичная для гражданина Гражданского Общества мысль. Раз он нарушил закон, то его должны переместить на территорию ВЮГО. Скорее всего, как раз сейчас и происходит это самое перемещение. Вот именно таким способом. В этом железном ящике с таким ровным, отшлифованным десятками или сотнями других перемещаемых полом. С липким от их пота полом.

Но все это так, если думать с точки зрения гражданина ГО. А вот основателю-председателю АИК закон не писан. Раз он отдал приказ: «В расход», значит, нарушителя ни на какую территорию ВЮГО не переместят. Тем более, что ее просто нет. Герман хорошо помнил рассказ охранника АИК: «Территории ВЮГО не существует. Ну, по началу-то после введения Контракта она была. Но оказалось, что дорого это слишком – производить перемещение преступни-

ков, а потом еще и охранять Территорию ВЮГО... Дешевле, проще преступников просто не довозить до Территории ВЮГО... Люди же болеют смертельными болезнями... Нечаянно бьются затылком о ступеньки лестниц... А еще нападают на охранников, и те, защищаясь, вынуждены открывать огонь на поражение...»

Значит, по какой-то причине Германа решили не убивать в здании АИК, и, стало быть, пристрелят где-нибудь подальше при попытке к бегству. Как многих других. А как именно?..

Герман не успел об этом поразмыслить. Железный ящик внезапно пришел в состояние покоя. Герман понял, что автомобиль, перевозящий его, остановился. Одна из металлических стен открылась, и в глаза ударил яркий солнечный свет.

Но он не спешил вставать. Подумал, что если сам выйдет из железного ящика, то это как раз и будет попытка бегства, и его тут же «переместят». «Туда», – указал тогда глазами вверх охранник АИК. Правда, потом основатель-председатель опроверг слова своего сотрудника, сказав, что все это было придумано только для того, чтобы подтолкнуть Германа к побегу из здания АИК. И кому теперь верить? Охраннику или основателю-председателю АИК?

Ответа у Германа не было, и он не спешил покидать железный ящик. Тот, однако, внезапно дрогнул и начал крепиться. Герман, обжигая кожу, начал съезжать по поверхно-

сти в открытое слепящее солнцем пространство. Сопротивляться, хвататься за голый металл не было смысла.

Он просто выпал наружу, как букашка из коробки. Если бы у Германа были крылья, то он, наверное, мгновенно расправил бы их во время падения и взмыл вверх. Но он просто рухнул вниз. Ударился телом и раненой рукой о землю так, что на какое-то время потерял сознание от боли. Придя же в себя услышал непонятное жужжание. Потом хлопок. Скрип. Звук удаляющегося автомобиля. Удаляющегося. Удаляющегося... И тишина.

Ослепившее его ранее солнце теперь пригревало озябшее в железном ящике голое тело. Это было замечательно – лежать на теплой земле и просто млеть под теплыми лучами. И не открывать глаз. Оттягивать. Оттягивать. Оттягивать...

Постепенно Герман начал ощущать под собой не просто землю, а впивающиеся в тело мелкие камни, стебли травинки. Он осторожно приоткрыл глаза. Моргнул. Один раз. Второй. Сощурился так, чтобы глазам не было больно от яркого света. Перед ним стали проступать очертания окружающего.

Герман понял, что лежит на земле рядом с мостом через широкую реку. На другом берегу по дороге едет уже неслышимый автомобиль с большой металлической коробкой за кабиной. Это на нем сюда привезли Германа. В этой коробке – железном ящике.

Вход на мост был перекрыт воротами, окутанными колю-

чей проволокой. Она была также пущена и по ограждению моста. И дальше по всему берегу. А еще на той стороне рядом с мостом находилась большая бетонная будка с бойницами. Присмотревшись, Герман разглядел направленный в его сторону ствол автомата или винтовки. Кто-то держал его на мушке. Но не стрелял.

Герман подумал, что, может быть, этот кто-то ждет, пока жертва поднимется на ноги. И он послушно встал, направил взгляд в землю. Однако, выстрела не последовало.

Тогда Герман повернулся спиной к будке и мосту. Ждал, считая: «Раз, два, три... тринадцать...» Но и теперь в него никто не выстрелил. Поднял голову. Перед ним расстилалась ровная и, как будто, вытоптанная множеством ног площадка. За ней – небольшой холм, у основания которого лежал огромный серый камень.

Герман обернулся. Еще раз посмотрел в след удаляющемуся автомобилю. Потом – на колючую проволоку и на ствол, продолжающий глядеть в его сторону. Он догадался. И его догадка подтвердилась, как только Герман отошел на несколько десятков шагов от моста. На большом сером камне, лежащем у основания холма, было выведено толи нефтью, толи мазутом: «Здравствуй территория ВЮГО! Жизнь прощай!» Прощай город, дом, добрый милый консьерж Борис, один раз уже спасший своего жильца. Но, видимо, Герману не судьба жить на той стороне моста ...

Да, позади за спиной, за рекой, за колючей проволокой

осталась территория Гражданского общества. Ее охраняет тот, кто следит сейчас за Германом из бетонной будки через оружейный прицел. А перед ним – та самая территория ВЮГО. Она все-таки есть. Да, основатель-председатель АИК был прав, когда говорил, что она существует. Он во всем, во всем был прав, этот старикашка. На территории Гражданского общества Герман все время был под его контролем, все время выполнял то, что нужно было Агентству исполнения контракта.

«Нет, – не согласился он сам с собой, – не все. Иначе не оказался бы здесь...» Герман подошел к серому камню. Еще раз перечитал написанные на нем слова. Сколько людей стояло здесь до него? Сколько еще последует за ним?

Он снова подумал о Еве. Сильная рука не мог не выполнить приказа. Любой ценой. Она должна, обязательно должна выжить, выздороветь после ранения и остаться на территории Гражданского общества. Ей нельзя сюда. Ее не нужно сюда...

А что случилось с самим Сильной рукой, после того, как он отнес Еву? А с Олегом, который, как всем показалась, успел уничтожить архивы АИК. А Виктор? А «Юный альпинист»? Как там все его остальные товарищи, принимавшие участие в штурме? Их убили или тоже переместили?

А вот Влад, предатель-Влад, по приказу основателя-председателя АИК спасший Германа в лесном лагере, остался на территории Гражданского общества. И соседка по дому,

сдавшая его АИК, живет себе на территории ГО – не тужит. И Родион...

Это было очень тяжело – понимать, что Родион служил Агентству Исполнения Контракта. И служил он, не как Герман, в слепую, а совершенно осознанно. В это просто не верилось. Даже сейчас. Даже здесь. На территории ВЮГО.

Герман медленно обошел большой серый камень и стал подниматься на холм, который оказался не таким уж и высоким. Оказавшись на вершине, осмотрелся. Перед Германом было еще несколько таких же невысоких холмов, поросших кустарником и редкими деревьями. Идти назад было куда, оставаться на месте не имело смысла, и он просто пошел вперед.

По-прежнему саднило плечо. Конечно, нужно было обработать рану, перевязать. Но больницы в поле зрения не наблюдалось. Не виднелось также и ресторанов, а голод уже всю донимал Германа.

Он перевалил еще один холм. И еще один. И почувствовал, что каждый новый шаг дается ему с все большим трудом. Герман очень устал. Ему не хватало сил, энергии. Единственное, что он мог сделать в такой ситуации, так это уснуть, дать организму немного передохнуть. Так его учил Родион.

Герман прилег в траву на солнечном склоне холма. Сунул в рот какую-то былинку. Пожевал ее немного и выплюнул – так есть хотелось еще сильнее. Он закрыл глаза и постарался

забыться. И это удалось.

В чувство его привели голоса. Сначала, Герману показалось, что он бредит. Но голоса приближались, человеческая речь становилась все разборчивее. Герман хотел было вскочить на ноги, броситься навстречу таким же как и он пленникам территории ВЮГО. Однако, что-то остановило его. Он лишь осторожно приподнял в траве голову. Увидел. Невдалеке от него действительно были люди.

Герман пересчитал их. Семеро. Они шли в его сторону. Одета вся семерка была в какое-то грязное, старое тряпье. Судя по лицам и рукам, каждый из приближающихся давно не мылся, хотя река протекала совсем рядом. Один из семерых нес на плече дубинку. Еще у двоих за поясами были ножи. Возможно, и все остальные также имели с собой какое-то скрытое под одеждой оружие.

Герман не знал, хорошо это или нет – иметь на территории ВЮГО оружие. Может быть, это и неплохие люди, какие-нибудь охотники, и они помогут ему сделать первые шаги на новом для него месте? Эти семеро вполне могли накормить его, дать хоть какую-нибудь одежду или, по крайней мере, подсказать, что ему делать дальше, куда идти.

Такие мысли подталкивали Германа встать, выйти навстречу. Но он все же медлил, медлил, наблюдая за приближающимися.

Внезапно идущий первым остановился и, завертев головой, начал принохиваться:

– Я чувствую. Я чувствую запах.

Другие тоже остановились и завертели головами, зашмыгали носами:

– Нет, я ничего не чувствую... А я чувствую... И я тоже...

Первый был уверен:

– Точно есть. Точно, вам говорю. Где-то здесь. Где-то недалеко. Мой нос не обманешь.

Герман не сомневался, что они учуяли его. Но, что это означало для него? Какой будет их встреча?

Тот, что шел первым, указал рукой:

– Там. Я точно чувствую, это там.

Но указал он совсем в другую от Германа сторону. Значит, эти семеро учуяли что-то другое. Или кого-то другого?

Вся компания быстро тронулась в указанную первым сторону. Герман же, недолго думая, решил последовать за этими людьми. Может быть, они приведут его куда-нибудь, где можно поесть и отдохнуть.

Подумав об этом и дождавшись, пока семеро скроются за склоном холма, он встал и двинулся в ту же сторону. Герман шел и принюхивался, но никакого особенного запаха в воздухе не улавливал. Может быть от усталости. А может быть у обитателей территории ВЮГО обоняние было более развито. Здесь ведь должна быть совсем другая жизнь.

Обогнув холм, Герман вышел к лесу. Осторожно сделал несколько шагов вглубь и остановился. Он не знал, где теперь искать оторвавшихся от него семерых. А просто блуж-

дать по лесу не было смысла.

Вдруг где-то впереди раздались крики, и Герман тут же пошел на них. Вздрагивая и прихрамывая. Его голое тело кололи острые концы веток. В ноги то и дело врезались какие-то щепки, опавшие иголки, высохшие шишки. В другое время он бы, наверное, чертыхался, но сейчас шел, стиснув зубы, чтобы ничем не выдать своего присутствия.

А крики становились все ближе и ближе. И, судя по всему, это не были крики радости.

Деревья стали редеть. Герман вышел к поляне. Из-за последних стволов перед ней

увидел, что знакомая компания окружила кого-то, сгрудилась над кем-то кричащим, вопящим изо всех сил.

Герман прильнул к дереву и всмотрелся в происходящее. И все понял. Семеро мужчин насильовали женщину. По очереди держали ее руки и ноги, по очереди сбрасывали с себя тряпье. А женщина была нагой. Она то рвалась, то ненадолго затихала, набираясь сил. Потом снова рвалась, но все слабее и слабее...

Осознав происходящее, Герман отшатнулся от дерева и шагнул было на поляну, но остановился. Здравый смысл остановил его. Что он раненый, обессиленный, безоружный и голый может сделать против семерых агрессивных распаленных мужчин? Бандиты легко расправятся с ним так же, как и с этой несчастной женщиной.

Герман снова спрятался за дерево, сел, прислонившись

спиной к стволу и уткнувшись лицом в колени. И заткнул уши, чтобы не слышать вопли насилуемой. И отчаянно пытался придумать что-нибудь, что-нибудь, что-ни-будь, чтобы спасти эту женщину. Но ничего. Ничего не приходило в голову. Несчастливая была обречена.

А если это Ева? Вот такая простая мысль внезапно пронзила его мозг. Разумеется, Герман предпочел бы умереть вместе с любимой. Иначе, как потом жить, сколько бы ему не осталось, с мыслью, что он струсил, не посмел прийти ей на помощь. Даже и в такой совершенно безвыходной ситуации.

Герман резко встал и выглянул из-за дерева. Увидел голову жертвы. Нет, у этой женщины совсем другой цвет волос. И еще у Евы ведь короткая стрижка, потому что в лесном лагере так было проще. А у этой женщины такие прекрасные длинные волосы. Накручены на кулак одного из бандитов. Волосы похожие на Ольгины. Но бывшая официантка вряд ли когда-нибудь окажется на территории ВЮГО. Как сказал основатель-председатель АИК, «это наш внештатный агент. Не очень умный, но верный.» Ольга сейчас продолжает служить Агентству исполнения контракта по месту проживания. Доносит на своего мужа...

Герман снова сел. Если б это была Ева... Да, он бросился бы к ней, не раздумывая ни о чем. Но это была другая, совсем чужая женщина. Герман не знал, почему она оказалась на территории ВЮГО. Может быть, она убийца или такая же садистка, как эти семеро. Но также может быть, что эта жен-

щина просто не заплатила во время налог Члена Гражданского Общества. Как Герман. И вот теперь расплачивается...

А вдруг перемещенная, полностью обнаженная Ева также вот попала где-то в руки мерзавцев? И кто-то наблюдает за совершаемым насилием. И не решается прийти ей на помощь.

Герман задрожал и заплакал от бессилия. Его чувства и разум боролись друг с другом. И никто не побеждал... «Прости меня!..»

Он чувствовал себя полным ничтожеством. Совсем недавно, размышляя о своем предназначении в жизни, Герман мечтал о большом настоящем деле, думал о том, как за его великие добрые дела ему будут благодарны десятки, сотни, тысячи людей. А сейчас, сейчас он не мог помочь одной-единственной женщине. «Прости меня!.. Прости меня!.. Прости!..»

Погрузившись в сотрясавшие его мысли, Герман потерял чувство времени. Пришел в себя от того, что скрюченное тело совсем затекло. И еще он почувствовал запах. Такой сладкий запах...

Оторвав руки от ушей, Герман понял, что на поляне уже никто не кричит. Он встал и снова выглянул из-за дерева. Все семеро бандитов были одеты. Они стояли в круг над костром, разведенном в том самом месте, где прежде терзали женщину.

Один из бандитов ел что-то с большого ножа:

– Вкусно...

Другой, жуя, довольно подтвердил:

– Ага, мягонько...

Еще один вдруг повернул голову в сторону Германа и повел носом.

– Что еще одну учуял? – усмехнулся тот, что облизывал нож.

Принюхивающий пожал плечами:

– Так ведь пахнет.

Все бандиты разом захохотали:

– Ему сколько ни дай, все мало, мало...

Принюхивающийся отвернулся от Германа и тот облегченно вздохнул.

Два бандита зачем-то наклонились над костром. Остальные следили за их действиями. Герман же тем временем стал медленно отступать обратно вглубь леса. А как только деревья стали гуще, бросился бежать. Не разбирая дороги, не замечая впивающихся в тело колючек, щепок, сучков.

Бежал он недолго. Ослабевший организм подвел его. Герман не заметил перед

собой кочку, споткнулся и просто рухнул на землю. Ударившись, сбил дыхание. В голове помутилось. Когда же различил перед собой какие-то кусты, то, даже не пытаясь встать, просто вполз в них. Думал, что тут же потеряет сознание. Но время шло, а он по-прежнему был в ясном уме. Отдышавшись, скрючился и охватил колени руками. Герма-

на знобило.

Сначала он думал, что дрожит из-за увиденного-пережитого. Но потом, когда начало темнеть Герман понял, что ему голому и голодному просто холодно на непрогретой в кустах земле. А скоро нахлынет еще и ночная прохлада. А в ноздрях затаился сладкий запах.

Герман выполз из кустов и, пошатываясь, снова побрел к поляне. На запах. Его желудок уже просто сводило от голода. Герман надеялся, что бандиты, зажавившие себе после надругательства над женщиной какого-то дикого зверя, ушли, оставив на месте трапезы что-нибудь из объедков.

Когда он подошел к поляне было уже совсем темно. Герман прислушался, взгляделся. Никого. Осторожно приблизился к тому месту, где был костер. Тлели угли. От них шло такое приятное тепло. А вокруг все так умопомрачительно пахло жареным мясом.

Герман пошарил руками рядом с костром. Он был готов обглодать любую брошенную на землю косточку. И нащупал, нашел. Что-то твердое. С остатками липкой плоти. Герман тут же хотел сунуть это в рот. Но кость была какой-то особенной, что-то напоминающей. Герман бросил на угли пучок травы, дунул. Раз, другой.

Трава, быстро высохнув на углях, вспыхнула и осветила то, что он держал в руке. Это была кисть руки. Кисть руки той самой женщины, которую бандиты изнасиловали. И как оказывается, не только...

Герман бросил женскую руку в горячие угли. Сел на колени, думая, что сейчас его стошнит. Но пустой желудок только зашелся в спазмах и ничего не выдал из себя.

Лучше было бы уйти прочь от этого ужасного места. Но Герман решил остаться. Пошарив вокруг костра, он нашел еще кости. Бережно сложил их на угли костра и забросал мягкой землей, которую вырыл тут же голыми руками: «Прости меня!..»

Он так устал от этого дня. На минуту привалился спиной к холмику могилки. Сейчас, сейчас немного передохнет и уйдет. Прочь, прочь отсюда.

А жар от непрогоревших углей быстро нагрел брошенную сверху землю. Тепло так мягко вошло Герману в спину. Так тепло. Так тепло...

А потом стало так больно. Эраст повалил его на землю и, приставив к груди нож, давил на него всем телом. «Какой живучий, гад, – подумалось Герману, – столько времени валялся на полу, подслушивал разговор основателя-председателя со мной».

Боль становилась все сильнее и сильнее. Герман открыл глаза и понял, что это не нож Эраста. В грудь ему упиралась острая палка. Другой ее конец уходил в павший по утру на поляну туман. В голове мелькнуло: «Я заснул, а бандиты вернулись. И, значит, теперь моя очередь...»

2. Деомид

Герман протер глаза и только после этого различил человека, держащего в руке другой конец палки. Седые волосы, седая борода. Серое лицо в морщинах. Серый балахон на плечах. Весь седой и серый незнакомец сливался с туманом.

Увидев, что Герман пришел в себя, бородач снова нажал на палку. Ее острие еще больше впилося в грудь. Между ребер. Напротив сердца.

Герман подал голос:

– Что ты делаешь?

Незнакомец, изучающий его внимательным и осторожным взглядом, ответил на вопрос вопросом:

– Ты кто ты?

Герман ответил не сразу. Он хотел вздохнуть, но сделать это не позволило упертое в грудь острие. Только качнул головой:

– Теперь не знаю.

А бородач продолжал пристально смотреть на него:

– Это ты убил и сжег женщину?

Герман не понял, как этот человек догадался:

– Женщину?

– Женщину, – подтвердил незнакомец и, не выпуская из руки палки, поднял с земли часть плоти. Видимо, Герман не нашел ее ночью и не захоронил.

Это был кусочек небольшой ступни. На нем сохранились несколько маленьких аккуратных пальчиков, на которых поблескивали остатки педикюра.

Герман снова качнул головой:

– Это не я. Здесь были несколько,.. семеро... человек. Если их, конечно, можно так назвать... А я... – Он теперь уже мотнул головой, указывая себе за спину. – Я только похоронил ее здесь.

Бородач понимающе кивнул и тоже вздохнул, но палку с груди своего визави не убрал:

– Так что ты делаешь здесь?

Герман повторил то же самое, что сказал в самом начале разговора:

– Не знаю.

Человек с палкой опять понимающе покачал головой:

– А куда идешь?

И в этот раз Герман сказал то же самое:

– Не знаю. Извини, но я теперь о себе ничего не знаю. Ни-че-го...

Он вздрогнул и снова почувствовал остроту палки. Но вздрогнул еще раз. И еще. Ему трудно было сдержать этот приступ дрожи, потому что голому телу снова стало холодно. Земля за ним, нагретая ночью углями, к утру остыла. А воздух нового дня на поляне был весьма свеж.

Незнакомец же, как будто не замечая страданий Германа, продолжал допрос:

– Тебя переместили?

– Да.

Бородач кивнул:

– Расскажи о себе.

На это Герман усмехнулся:

– А кто ты такой, чтобы тебе все рассказывать? Уж не местное ли отделение АИК обслуживаешь?

Незнакомец, однако, не был намерен шутить. Он еще сильнее нажал на палку. Герману показалось, что острое вот-вот прорвет натянутую кожу, скользнет дальше. За ребра.

Что он мог сделать в такой ситуации? Только ответить. Герман назвал свое имя и услышал новый вопрос:

– За что тебя переместили?

Скрывать официальную причину перемещения не было смысла. Герман коротко рассказал о том, что нарушил Контракт, и добавил, не называя имен Линды и Тильды:

– А две милые девушки, сдали меня АИК, чтобы не переместили их самих.

– Ты только взнос ЧГО просрочил или за тобой еще какие-то делишки имеются? – строго смотрел на него бородач.

Пришлось добавить деталей:

– Да, я не только не заплатил взнос Члена Гражданского Общества, но еще и скрывался от АИК под чужим именем. Хотел, понимаешь, начать жизнь заново. Ну, там, жениться, сделать карьеру. Даже успел бизнес-план по развитию сети кафе разработать, но вот... поймали. Категория «А» – особо

опасный преступник. Контракт расторгнут, а я перемещен.

Герман не собирался рассказывать о том, что участвовал в штурме здания АИК. А бородач как будто был удовлетворен рассказом:

– Значит, ты – не уголовник. Никого не убивал, не грабил, не насиловал?

– Нет.

Бородач облегченно вздохнул, и убрал, наконец, с груди Германа палку:

– Молодец, что дожил до рассвета.

– А что, часто... не доживают? – поинтересовался Герман.

Человек с палкой снова вздохнул:

– Я вчера был на берегу. Видел с холма: за день машина три раза подъезжала. Женщина сразу убежала в лес. Ее, как ты знаешь, бандиты нашли и убили...

– А еще изнасиловали и съели, – добавил Герман.

– Да, – согласился бородач, – это здесь обычное дело...

Герман поразился:

– Обычное дело?!

– Увы, – спокойно пожал плечами бородач и заметил, – А тебе вот удалось дожить до рассвета. Ты был вторым.

– А третий? – вспомнил Герман, – Ведь ты сказал, что машина приезжала три раза.

Бородач повернул голову:

– Он – в той стороне. На другую шайку наткнулся. И ему, как и этой женщине, очень не повезло. У тех бандитов есть

ножи и даже пистолеты. Их было восемь. Они сначала с ним обошлись... как с женщиной. Потом за ногу на дерево подвесили и стали с живого срезать куски мяса и жарить... Он так кричал... Там теперь один скелет висит.

Герман не понимал:

– И ты так спокойно говоришь об этих ужасах.

Человек с палкой не ответил. Герман же снова вздрогнул и встал:

– Его надо похоронить. Где это точно?

Но бородач в ответ покачал головой:

– Я тебе не советую ходить в ту сторону. Это рядом с дорогой, по которой они обычно приходят к граничному пункту.

– Они? – не понял Герман.

Человек с палкой объяснил:

– Они – это бандиты. На территории ВЮГО именно бандиты – хозяева жизни. Что хотят, то и творят.

Герман внимательно посмотрел на бородача:

– А ты?

– Что я? – не понял тот. – Я тоже здесь живу.

– Ты не похож на бандита. – сказал Герман.

– Не похож, – согласился человек с палкой, – так я и не бандит.

Но Герману было все еще не понятно:

– Тогда, кто ты? Кто еще здесь может выжить?

Бородач почесал затылок:

– Кто здесь может выжить?.. Это хороший вопрос. А отвечу я тебе на него вот что. Не каждый, далеко не каждый здесь может... А что касается меня, то я – обыкновенный гончар.

– Гончар? – был удивлен Герман, – И что ты делаешь на территории ВЮГО? Почему живой?

– Да, гончар, – спокойно подтвердил человек с палкой, – Сюда вот по делу зашел. Нужда заставила. Глину искал. Мне материал для работы нужен.

– Ты не ответил, – настаивал Герман, – Ты живой. Если ты не бандит, то почему тебя не убили?

Бородач вздохнул:

– Этому есть объяснение. Но сначала, – он посмотрел на дрожащего Германа, – может, перекусим? У меня есть немного с собой пожевать.

Герман, посмотрев на холмик и женскую ступню, покачал головой:

– Только не здесь.

– Хорошо, пойдем, поищем другое место, – согласился «гончар».

Прежде, чем покинуть поляну, Герман разрыл остывший холмик и вложил в него остатки женской ступни, прошептал:

– Прости меня....

Они зашли за деревья, двинули дальше. Только сейчас Герман заметил, что лес хотя и был густым, но при этом выглядел каким-то слабым, как бы болезненным. Здесь не было мощных сосен или дубов. Только клены, осины, березы.

Кривые, раздваивающиеся и разтраивающиеся. На всех деревьях тусклая, серая, как кожа бородача, кора. И еще Герман не слышал щебета, пенья птиц. Станный лес...

Судя по тому, как уверенно шел человек с палкой, он хорошо знал эти места. Измотанный событиями последних дней, Герман едва поспевал за своим шустрым проводником.

Бородач время от времени оглядывался:

– Молодец. Не отстаешь. Потерпи. Сейчас. Уже скоро...

Наконец, «гончар» замер на месте и кивнул совсем уже выдохшемуся Герману:

– Здесь можем спокойно передохнуть. Бандиты так далеко в лес не заходят.

Бородач достал из-за спины котомку. Сначала вынул оттуда пустой мешок:

– Все равно пустым возвращаться, так что сделай дырки для головы и рук. Будет тебе какая-никакая, а одежонка...

Герман взял в руке протянутый мешок:

– Чего сразу-то не дал? Столько времени за тобой шел голым.

Человек с палкой резонно ответил:

– Так ведь шел за мной. А дай я тебе мешок сразу, вдруг бы ты решил не идти, и я б понапрасну мешка лишился. А здесь это ценная вещь.

– А почему теперь не понапрасну? – не понял Герман.

Но «гончар» не ответил. Он наблюдал за безуспешными попытками Германа прорвать мешковину:

– Эх, ослабел ты, парень.

Проводник достал из кармана нож. Хотел бросить Германи, но передумал:

– Дай-ка сюда мешок. – сделав аккуратные разрезы, протянул «готовое платье», – Надевай.

Герман тут же нырнул в мешок. Сразу стало и теплей, и уютнее. Бородач же, еще раз пристально поглядев на Германа, снова полез в котомку. Вынул оттуда тряпочку, посыпал каким-то порошком и сказал:

– Дай-ка твою руку. Перемотаю, чтоб не загноилась.

Герман ничего не имел против повязки. Действительно, нужно было позаботиться о продолжающей саднить ране.

«Гончар» быстро перевязал руку Германа:

– Ну вот, теперь с этим порядок.

Вынув из котомки начатую буханку хлеба, отрезал большой кусок Германи:

– Ешь.

Тот быстро, очень быстро расправился с едой. Хлеб тут же успокоил живот и сделал жизнь гораздо теплее. Герман привалился спиной к дереву и закрыл глаза. Спросил:

– Так как же, ты – гончар, среди бандитов живешь? Откуда у тебя еда?

Бородач молчал, и Герман снова открыл глаза. Увидев, что его проводник не спеша жует свой кусок хлеба, не стал настаивать на ответе.

Еще несколько минут они сидели не разговаривая. По-

том «гончар» стряхнул с ладони крошки в рот и встал, закинул котомку за плечи. Увидев же, что Герман непонимающе смотрит на него, мотнул головой:

– Пошли, по дороге объясню.

Герман, обмякший от тепла еды и хлеба, не торопился вставать:

– Куда это ты меня собрался вести?

«Гончар» усмехнулся:

– А тебе не все равно? Хотел бы я сам убить тебя, так давно бы это сделал. А захотел бы, чтобы тебя убили бандиты, так оставил бы на поляне. Один ты здесь долго не продержишься. Или бандиты на тебя наткнутся или сам к ним выйдешь. А дальше ты уже знаешь что будет... Большое удовольствие им доставишь. Для них это вместо кино развлечение – найти перемещенного новичка и покуражиться вдоволь...

– Пойдем, – согласился Герман, вставая.

Где-то недалеко треснула ветка. Герман вздрогнул, но бородач, прислушавшись, успокоил:

– Это зверь лесной. Не бойся, мы идем не опасным путем...

Они шли безо всякой тропы, без компаса и карты, и как казалось Герману, просто наобум. Но «гончар», похоже, действительно очень хорошо знал и эти места, и где-кого в них можно встретить. Он шел спокойно и размеренно, иногда ненадолго останавливаясь, давая Герману возможность передохнуть.

Во время первой короткой остановки бородач рассказал, что его зовут Деомид и что попал он на территорию ВЮГО уже давно за отказ подписывать Контракт.

– Слышал про таких, – вспомнил Герман, – Значит, не по душе тебе Контракт?

– Не по-человечески это, – подтвердил Деомид. – Не хочу в разладе с собой жить. Уж лучше в разладе с обществом...

Позже рассказал он и про территорию ВЮГО:

– Прежде всего – это огромный остров. Большая река перед ним раздваивается, а потом снова сливается в единое русло. Когда-то на острове был военный полигон. Точно никто не знает, что здесь испытывали, но это была какая-то ядовитая токсичная дрянь. По всему острову в разных местах закопана. Где густо, где пусто...

Герман тут же подумал о том, что не из-за этих ли отходов, лес в начале их пути был таким хилым. А вот теперь уже стал нормальным – с крупными ядреными деревьями, с мощным подлеском.

Но спрашивать не стал. Продолжил слушать то, что Деомид рассказывал дальше:

– В общем хозяйствовало здесь военные хозяйствовало, да и после нескольких крупных аварий, окончательно испоганив остров, ушли с него. Так, вот Агентство Исполнения Контракта и приспособила это местечко под территорию ВЮГО. Здесь есть естественное ограждение – река. Вдобавок к нему АИК по своему берегу и по единственному мосту,

соединяющему территорию ВЮГО и территорию ГО, колючую проволоку пустило. Ну, и конечно, сигнальные системы, охрану поставили. По тем, кто пытается реку переплыть, стреляют без предупреждения. А иногда и так просто стреляют через реку по тому, кого увидят на территории ВЮГО. Скучно охранникам вдали от цивилизованных развлечений, так что борются со скукой, как могут. На спор человека из снайперской винтовки или убивают с одной пули, или ранят несколькими. Наказать-то охрану могут разве что за растроченные патроны. За раненых или убитых на территории ВЮГО никто ответственности не несет. Мы ведь не члены ГО. Нас для Гражданского Общества просто не существует.

– Но мы же есть? – не согласился Герман.

– Нет, – усмехнулся Деомид, – ты ошибаешься. Нас нет.

– Но я же вот он. Я существую. – настаивал Герман.

Деомид вздохнул:

– Тебя все равно что не существует... И что будет с нами завтра, никто не знает. И никого это не интересует. Ни там, ни тем более здесь...

Они пошли дальше. Когда сделали новый привал, Деомид продолжил свой рассказ про территорию ВЮГО:

– В одиночку здесь люди не живут. Если ты один, то рано или поздно тебя обязательно выследят, схватят, изнасилуют, убьют, и, скорее всего, съедят. Любые жиры, углеводы и белки здесь в большой цене. Будь ты хоть сам Геракл, а один не выживешь. Напорешься на какую-нибудь банду и каюк.

– И много их здесь, банд? – спросил Герман.

Деомид кивнул:

– Много. Бандиты сами боятся остаться в одиночку, потому всегда сбиваются в шайки. Самые крупные банды поделили всю территорию ВЮГО. Так что вся земля здесь и все, что на ней есть, кому-то принадлежит.

Герман предположил:

– Значит, эти бандиты, которые... женщину, они относятся к какой-то из крупных банд.

– Не обязательно, – покачал головой Деомид, – Есть еще несметное количество мелких шаек, которые не подчиняются никому. Они перемещаются по всей территории, шакалят, бросаясь на все, с чем могут справиться. Думаю, это и была одна из таких банд. А еще одна разобралась со вторым перемещенным, про которого я говорил.

– Почему ты так решил? – не понял Герман.

Деомид объяснил:

– В крупных бандах есть какой-никакой, а порядок. Там все решают главари. А те сначала все-таки думают, а потом уже делают. И в крупных бандах не такие уж все голодные, потому что у них есть постоянный источник еды и других... удовольствий.

– Откуда ты все это знаешь? – Герман смотрел на Деомида с подозрением, – Ты же вроде гончар.

– Гончар.– снова подтвердил его проводник.

– Не бандит?

На губах у Деонида появилась улыбка:

– Не бандит.

– Выходит. – задумался Герман, – на территории ВЮГО, есть обычные нормальные люди.

– Есть, – кивнул Деонид, – И они, как и бандиты, тоже сбиваются вместе, чтобы выжить. Так легче обеспечить себя пропитанием, одеждой, кровом, и, конечно, отбиться от шакалов. Ну и откупиться от крупных банд.

– Откупиться? – не понял Герман.

– Да, – сказал Деонид, – Во главе крупных банд стоят неглупые люди, не зря же они возглавили свои шайки. Так вот, эти главари хотя и большие любители пограбить-побивать-поразвлечься, но они понимают, в отличие от большинства своих недалёковидных коллег, что нельзя жить одним днем, нужно где-то брать еду, одежду, какую-никакую утварь. Поэтому крупные банды полностью не разоряют, оставляют жить гражданские поселения, самообразующиеся из некриминальных перемещенных. Только облагают их... как бы налогом...

– И здесь налоги? – удивился Герман, – как на территории ГО.

– А чему ты удивляешься? – усмехнулся Деонид, – Полное безвластие едва ли возможно вообще где-либо. Везде есть слабые и сильные, умные и глупые, а значит, везде есть власть. А власть держится на законах. На плохих ли, на хороших ли, но на законах. Ну, а где законы...

– Там и налоги, – догадался Герман.

Деомид вздохнул:

– Да. Вот и здесь тоже государство. Хоть и бандитское, но государство. Со своей властью, со своими законами, и со своими бандитскими налогами. Каждое гражданское поселение должно давать, что может: еду, напитки, утварь, красивых девушек или юношей...

Герман поразился:

– И люди идут на это?

– А что делать? – развел руками Деомид, – Другого выхода нет. Такая жизнь, конечно, не сахар. Но это все-таки жизнь. Мы научились так жить. И ты тоже научишься... Пошли.

Герман послушно двинулся за Деомидом, сопоставляя в уме только что услышанное с тем, что ему рассказывал ранее про территорию ВЮГО инспектор Юрико: «Одни по привычке пытаются выращивать что-то на полях. Другие – что-то мастерить. Третьи же продолжают грабить, отнимать все, что могут у кого могут... На территории ВЮГО нет полиции, нет учреждений социальной и медицинской помощи, образовательных учреждений... Нельзя сказать, что там нет власти. Насколько мне известно, часть преступников сплотилась, поделила Территорию ВЮГО на свои вотчины. Фактически Территория ВЮГО – это бандитское государство, где перемещенные преступники всех категорий сбиваются в банды, эксплуатируют слабейших и ведут криминальные войны за средства пропитания, одежду и развлечения. На-

сколько я знаю, на территории ВЮГО действует только один закон – прав тот, кто сильнее...» Похоже, инспектор Юрико говорил правду...

На следующем привале Герман снова спросил своего проводника:

– Ты сказал, то здесь есть несколько гражданских поселений?

– Да. – подтвердил Деомид, – Здесь немало тех, кто продолжает заниматься тем же, чем и на территории Гражданского общества. Есть керосинщики. Они живут возле нефтяного озера. Гонят керосин... Еще есть несколько поселений землепашцев и огородников-садоводов. Они хлеб растят, всякие разные овощи и даже фрукты... Еще есть скотоводы, мастерские... А мое поселение – каменщики. Мы добываем камень из горы. Обрабатываем его. Ну еще и гончарничаем немного. Камень нужен для строительства домов. И посуда всем нужна...

Герман усмехнулся:

– Ну, а я-то тебе зачем в поселении каменщиков и гончаров? Я ведь в компьютерной фирме работал. А здесь вряд ли даже электричество есть.

Бородач хмыкнул:

– Кое-где есть... Но в нашем поселении, ты прав, нет никакого электричества. И компьютеров, конечно, тоже. У нас вообще многого нет. Но чего точно нам не хватает, так это того, что есть у тебя.

– У меня? – Герман как бы оглядел себя, – Все, что у меня есть, так только этот мешок. Но даже и он не мой.

Деомид покачал головой:

– У тебя есть другое, более важное здесь на территории ЮГО. У тебя имеется здоровье, физическая сила. И еще у тебя есть семя. Ты молод, образован, у тебя здоровые гены. А у нас есть девушки, которые могут дать потомство. Без притока свежей крови нам тяжело выживать и невозможно воспроизводиться. Если мы в своем поселении будем скрещиваться только между собой, то просто выродимся. Если же от бандитов начнем потомство получать, то переродимся в них. Так что куда ни кинь, везде клин...

Но Герман не понимал:

– погоди, но есть же еще нормальные люди. Ты же говорил про керосинщиков, скотоводов и прочих.

На это Деомид лишь снова покачал головой:

– Конечно, их гены лучше, чем у бандитов. Но после долгой жизни здесь на отравленной территории, нормальные люди не могут дать здоровое семя. Мы едим странную пищу: у нас попадают бараны с пятью головами, рыба без чешуи, а некоторые птицы летать не умеют. Я не сомневаюсь, что мы, может быть и медленно, но мутируем. И если этот процесс нельзя остановить, то стоит постараться его хотя бы замедлить. Вот для чего нам нужна свежая кровь с территории ГО. Вот для чего ты нам нужен.

– Но я не хочу быть спермодонором, – возразил Герман и

еще хотел было сказать, что у него была, нет, есть любимая девушка, Ева, но промолчал об этом.

Деомид пожал плечами:

– Никто тебя и не собирается принуждать. Мужское начало в тебе все равно рано или поздно верх возьмет. Так что выберешь кого-нибудь из наших девушек. Нам все равно кого именно. Главное, чтобы потомство было.

Герман не стал спорить. Он снова подумал о Еве. Деомид же тем временем продолжил:

– А компьютеры... Это не так уж важно, чем ты занимался раньше. Руки, ноги, голова у тебя есть, рано или поздно, но что-нибудь полезное освоить сумеешь.

– Ты же сказал, что здесь на территории ВЮГО нет никакого будущего. А сам про гены, про здоровых детей рассуждаешь. – возразил Герман.

Деомид не стал спорить:

– Да, здесь в стране бандитов нет будущего. Но и умирать из нас ведь все равно никто не хочет. Пока мы чувствуем себя людьми, мы и должны вести себя как люди – заботиться о прошлом, настоящем и будущем.

Герман попросил разъяснить:

– Ну, о настоящем и будущем я еще понимаю. А что ты имеешь в виду, говоря о прошлом?

Деомид вздохнул:

– Вот ты же похоронил сегодня ту женщину?

Герман пожал плечами:

– Ну, да я не мог по-другому.

– Вот ты и позаботился о прошлом. – улыбнулся проводник, – Потому что ты не бандит, который живет по бандитском закону «умри сегодня, а я – завтра...» Нет мы – люди заботимся и о прошлом, и о настоящем, и о будущем... Кто знает, может быть кто-нибудь из нас, из наших детей или внуков доживет до справедливого будущего, до прощания с территорией ВЮГО. Мы все живем здесь этой надеждой. И ее нужно питать свежей кровью. А она поступает только с той стороны моста. Ты нам нужен. Ты нам очень нужен...

Дальше они шли молча. И по причине усталости. И еще потому, что Герману было над чем подумать, поразмышлять.

Когда солнце уже начало краснеть на закате, они вышли на опушку. Деомид остановился, глядя вперед:

– Вот мы и пришли.

– Куда? – не понял Герман.

Деомид указал рукой:

– Видишь гору?

– Вижу.

– Под ней каменный забор?

Герман пригляделся и увидел:

– Да, точно. Есть забор.

Деомид кивнул:

– За ним наше поселение. Нас там очень ждут...

3. В поселении каменщиков

Ворота перед ними распахнулись. Навстречу вышел очень худой и, с виду, очень старый мужчина:

– С возвращением!

Деомид кивнул:

– Здравствуй, Леон. – и тут же спросил, – Все в порядке?

– Да, – ответил поселенец, – Слава богу, ничего не случилось. Все наши, как обычно, на работе. – посмотрел на Германа – А это?

– Да, – кивнул Деомид, – это наш новый товарищ. Зовут Германом.

Леон покачал головой, разглядывая новичка:

– Выглядит не очень...

– На себя посмотри, – усмехнулся Деомид, – Его же только-только переместили. Вчера прибыл. Ему надо отдохнуть. Так что накорми его хорошенько. Покажи, где можно помыться. И пусть спит, сколько влезет. Не тревожь его... Так что идите, а ворота я сам закрою.

– Как скажешь, – сказал Леон и позвал за собой Германа, – пойдём.

Они прошли по поселению, которое с одной стороны прилепилось к горе, с другой было окружено каменным забором. Небольшие дома серого камня с маленькими же окошками лепились друг к другу. Между ними – узенькие улочки-тро-

пинки. Всего было десятка полтора-два таких домишек. И в них, и снаружи стояла тишина. Как будто поселение вымерло.

– У вас всегда так тихо? – спросил Герман.

Леон пожал плечами:

– Так кому днем шум поднимать? Все в горе.

– В горе?

– Ну, да, – подтвердил Леон, – Работают...

Они прошли одной из улочек в дальний конец поселения. Там за последним домом из горы струилась вода, падала вниз с двухметровой высоты. Леон кивнул на водопадный ручеек:

– Раздевайся, мойся.

Скинуть с себя мешок и освободиться от повязки на плече было секундным делом. Герман встал под струю воды. Он ожидал, что сейчас его обдаст ледяной волной, весь напрягся. Но эта горная вода была хотя и не теплой, но вовсе и не холодной. Герман вздрогнул от удовольствия. Вода била то в темя, то в плечи, стекала по спине и груди, смывала если не грязь, то самую усталость.

С наслаждением постояв под струями, Герман сделал шаг в сторону и посмотрел по сторонам, обратился к сидящему на корточках Леону:

– А...?

Тот догадался:

– Видишь, рядом синяя глина. Она мылится. Ты мойся, а я сейчас...

Герман набрал горсть глины и обмазал ею волосы, лицо. Снова встал под воду. Действительно эта глина замечательно смывала и грязь, и пот.

Когда Герман вдоволь насладился водой и вышел из-под водопадного ручейка, Леон стоял рядом. В руках у него был кусок чистой грубой ткани:

– Вытирайся. Это будет твое полотенце.

Потом Леон снова перевязал Герману плечо:

– Деомид сказал, тебе еще несколько дней такую присыпку у раны держать. Ты – молодой, здоровый. Быстро, как на собаке, зарастет. Деомид знает толк в снадобьях...

Еще Леон принес просторные штаны и рубаху:

– Теперь это твоя одежда.

Герман быстро натянул на себя принесенное. Было даже как-то странно ощущать на себе одежду. Тело вполне успело привыкнуть к мешку, который он носил на себе всего-то один день.

Леон, удовлетворенно оглядев Германа, кивнул:

– Порядок. Теперь поешь, поспишь, и снова человеком станешь.

Герман, не возражая, послушно зашагал следом за поселенцем.

Они обошли один дом, второй, третий. Зашли в четвертый. Внутри этого

небольшого каменного здания был стол, несколько скамеек, кровати вдоль стен.

Леон кивнул:

– Садись за стол. Сейчас покормлю, чем богаты...

Богаты оказались поселенцы молоком. Герман выпил его несколько кружек. Под молоко съел и пару ломтей хлеба. Леон только улыбался, глядя на своего нового жадно насыщающегося товарища:

– Ничего. Главное – живой... – потом Леон указал на одну из кроватей, – Теперь это твоя. Ложись, отдыхай.

Герман встал из-за стола, и его шатнуло. Он просто рухнул на кровать. Лицом вниз. Заснул, как потерял сознание.

Просыпался Герман несколько раз. Слышал рядом какие-то голоса и пытался открыть глаза. Но они не слушались, и он снова проваливался в сон. Потом, казалось бы, уже совсем пробудившийся Герман увидел прямо перед собой чье-то незнакомое лицо. Оно было так близко, что ему не удалось разглядеть его черты, понять, кто же это перед ним. Он снова закрыл глаза, чтобы сконцентрироваться и... опять заснул.

Когда проснулся окончательно, то увидел над собой низкий потолок. Никакого лица. И рядом никого. Только за столом кто-то сидел. Герман пригляделся и узнал, вспомнил:

– Деомид.

Поселенец тут отозвался:

– Да, здоров ты, братец, спать. Пришел в себя?

Герман уже начал ощущать собственное тело:

– Кажется, да.

Он встал. Подошел к столу и сел на скамью напротив Део-

мида. Тот,

также, как и Леон до этого, пододвинул ему молоко и хлеб:

– Ешь.

Герман, вновь почувствовавший голод, не стал отказываться. Однако, прежде чем

притронуться к пище, спросил:

– Откуда это у вас?

Деомид рассказал:

– Да, у нас своего хлеба нет. У землепашцев берем. Им ведь камень наш нужен. И для строительства жилищ, амбаров берут. И еще им нужны большие глиняные емкости для хранения зерна. Ну и, конечно, посуда для еды, горшки для воды, мелочь всякая... Так что меняемся...

Герман догадался:

– А молоко от скотоводов получаете.

– Все верно, – кивнул Деомид, – Им тоже нужна посуда, а в первую очередь емкости для молока, для сыра...

– Здесь даже сыр делают? – удивился Герман.

– Да, – подтвердил Деомид – так молоко в виде еды легче хранить. Да и какое-никакое, а разнообразие. Мы иногда у них сыр тоже вымениваем. Только он дорого нам обходится. Так что больше просто молоком берем, оно у нас в горе по несколько дней хранится... Да, что молоко, сыр? Мы здесь себя порой даже медком балуем. На территории ВЮГО ведь даже пасека имеется... – он покачал головой, – Чего к себе в поселение не берем, так это вина. Хотя и его производство,

и производство водки здесь тоже налажено. Делают и из зерна, и из фруктов. Но это дело бандиты особо контролируют. Да и ни к чему нам себя травить алкоголем, и так все больные. – сказав это, Деомид вздохнул, – Почти все у нас нездоровы. И я, я тоже болею. И жена... Может со стороны это еще не очень заметно, но чувствую, что силы меня покидают, с каждым днем уходят. Не знаю, сколько мне еще осталось, но не так уж много. А без меня, без сильного мужика наше поселение не протянет. Или бандиты разорят, или сами наши разругаются-разбегутся – сгубят и себя, и своих детей... Без крепкой руки никак нельзя.

Герман вспомнил:

– Но у тебя же есть еще мужчины: Леон...

– Есть, – согласился Деомид, – только присмотришься к ним... Леон, он, если еще не заметил, хромой. Но, главное, у него та же болезнь легких, как и у меня. Только у Леона все еще хуже, кровью постоянно плюет. Поэтому он и не ходит на работу в гору. Дежурит у ворот – доживает последние дни на свежем воздухе... А остальные. Остальные... У одних плохо с телом, у других – с головой. Кто более-менее здоров и мог бы взять все в свои руки, так это Джером.

– Так в чем дело? – не понял Герман.

Деомид покачал головой:

– Он-то как раз и рвется к власти. Но вопрос, зачем она ему нужна... Джером родился от хорошей женщины. Но вот отцом его был бандит. Джерома породило насилие... Сна-

чала это был очень приличный, смысленный мальчик, который слушал свою маму. Но, видимо, чем дальше, тем больше отцовские гены дают о себе знать. Джером порывается все решить силой, хитростью и всегда в свою пользу. Дай ему власть, и здесь будет еще одно поселение, живущее по бандитским законам. Пройдет немного времени, и никто не станет работать, все начнут пьянствовать, насиловать, убивать, драться между собой и жить за счет беззащитных соседей... – он посмотрел на Германа, – Нам не только твое семя нужно для продолжения рода. Ты же менеджер, ты уже работал с людьми, ты управлял ими во имя ихнего же блага. Ты можешь помочь нам выжить. Если я не ошибся в тебе, то ты сможешь заменить меня, когда пробьет мой час...

Герман отставил пустую кружку и задумался. Вспомнил как, работая в «ЛокИнформ», постоянно размышлял о делах компании и о себе, как однажды не выдержал, намекнул начальнику на то, что ему можно уже доверить и гораздо большее дело, чем просто руководство отделом. Ему не доверили, и он ушел из компании, уехал на остров, но не от себя. У Родиона, никем не беспокоимый начал думать о том, чтобы попробовать найти работу в Комитете гражданских прав и свобод – там, где работал его отец перед смертью. Герман думал тогда, что в этой организации может и интересная, и масштабная, и благородная работа. И мама бы им гордилась... А потом его увлекла мысль о создании своей собственной фирмы, которую с помощью друзей, возможно,

удастся превратить в передовую корпорацию. Далее по стечению обстоятельств он оказался в «Элефанте», где вместе с официанткой Ольгой начал помогать хозяину развивать его дело. Это было занятно, но не более. Все его навыки руководителя по-настоящему пригодились лишь при работе в лесном лагере нарушителей Контракта, и когда Движение поручило ему действительно важное дело – штурм здания АИК...

– И я его провалил, – сказал Герман вслух, – не по своей вине, но провалил...

– О чем ты? – спросил Деомид, – Извини, я не понял.

– Это так... – покачал головой Герман, пытаясь снова перенестись в сегодняшний день. Но воспоминания не отпускали его. В ушах зазвучал голос основателя-председателя АИК: « Ты не можешь без масштабной работы, бросающей вызов и дающей удовлетворение. Ты не можешь спрятаться, зарыться в мелкие делишки, ты не можешь возглавить просто какой-то отдел, службу, фирму. Не можешь быть просто червяком в каком-нибудь Комитете гражданских прав и свобод... Ты прирожденный лидер, организатор большого дела. Управление Агентством Исполнения Контракта – это то, что тебе нужно. То, что будет постоянно приносить тебе удовольствие, то, что даст тебе такое вожаделенное удовлетворение...»

Он отказался от этой действительно масштабной, но ужасной с точки зрения человечности работы. Но и тогда в кабинете основателя-председателя АИК и сейчас в этом сером

домике на территории ВЮГО Герман был согласен с тем, что он не может спрятаться, зарыться в мелкие делишки. Ему, действительно, нужна работа, бросающая вызов и дающая удовлетворение. Так может быть именно в этом его предназначение – спасти людей в поселении каменщиков на территории ВЮГО. Да, это может быть и не такая масштабная работа, но что такой масштаб в применении к человеческой жизни. Он снова вспомнил изнасилованную и убитую бандитами женщину...

Герман сам себе кивнул. Пожалуй, ему по силам заменить Деомида. Но вот только насколько это верный путь для спасения людей – забыть о своей любимой, просто стать их лидером, хорошим управляющим поселением? Пройдет время, и он на этой больной земле также, как и Деомид, заболит. И ему точно также придется идти к границе территории ВЮГО и искать себе замену. Найдет ли он ее? Так стоит ли идти этим проторенным Деомидом путем? Вдруг есть какой-то другой способ, который позволит спасти поселение?..

А Деомид снова подал голос:

– Так ты согласен нам помочь?

Что Герман мог ответить:

– Да. Конечно.

– Вот и хорошо, – Деомид облегченно вздохнул, – пойдём я тебя познакомлю с поселением...

Они быстро обошли территорию, заглянули в пустые дома. Деомид показал:

– Здесь живут одинокие мужчины... Здесь – женщины...

Здесь – семьи...

– А кто еще живет в моем доме? – спросил Герман, подумав о незанятых кроватях.

Деомид, вздохнув, рассказал:

– Больше никто. Там раньше жили несколько стариков. Их переместили на территорию ВЮГО, как и тебя, за неуплату взноса ЧГО. У них была небольшая пенсия и им оказалось просто не по карману жить по Контракту... А здесь им прожить долго не позволило здоровье...

Кроме Деомида и Германа в поселении в это время суток находился только Леон. Он сидел на верхней ступеньке лешенки у ворот, всматриваясь в прилегающие окрестности.

Деомид объяснил:

– Мы должны успеть подготовиться, если кто-то нападет. Поэтому у нас постоянное наблюдение за прилегающими окрестностями.

Герман, вспомнив слова Леона, кивнул в сторону горы:

– Все остальные сейчас на работе?

Деомид подтвердил:

– Да, днем, когда опасность нападения особо велика, все и работают, и отдыхают там. Пойдем, я тебе все покажу.

Они подошли вплотную к склону горы. В нем было отверстие, в которое вполне мог протиснуться пригнувший голову человек. Деомид пригласил:

– Входи.

Герман опустил голову и сделал несколько шагов вперед. Потом остановился в полной темноте, осторожно выпрямился и уперся теменем в потолок. Услышал сзади голос Деомиды:

– Теперь иди прямо и все время вверх. Считай шаги. Через двадцать шесть будет расклон. Поворачивай вправо. Ни в коем случае ни влево – упадешь в провал... Потом семнадцать шагов и еще расклон. Теперь нужно будет повернуть влево. Не перепутай. Справа внизу заброшенная штольня, в которой высокая концентрация ядовитого газа. Так что только вверх... После поворота еще четырнадцать шагов...

Герман шел в полной темноте, точно следуя указания Деомиды. Под ногами была мягкая каменная пыль. Время от времени он задевал стены и потолок. Деомид как будто видел его в темноте, успокаивал:

– Ничего, привыкнешь. Со временем будешь пробегать здесь, ни разу ни одной стены не коснувшись.

Герман на это только вздохнул. Он все время ожидал, что либо врежется во что-нибудь лбом, либо просто свалится в какую-нибудь невидимую яму. Спросил:

– А проще нет пути – без провалов и ядовитого газа?

На это Деомид ответил:

– И нет, да и нам проще не нужно. Так бандиты только один раз внутрь горы сунулись, чтобы посмотреть, где мои люди и что они делают. Двоих на первом же расклоне оставили, в том самом провале. Больше в гору не лезут...

Герман согласился:

– Действительно, проще и по-другому не нужно...

Через несколько минут Деомид, наконец, сказал:

– Пришли. Через пять шагов увидишь свет. Иди на него.

Герман сделал точно пять шагов и впереди заметно по-светлело. Туннель повернул, в его стене обозначилось большое отверстие. Заглянув в дыру, Герман увидел вырубленное в камне помещение размером с большую комнату. Солнечный свет в нее попадал из нескольких небольших отверстий. Наверное, они выходили на совсем рядом находящуюся поверхность горы.

В помещении было и достаточно тепло, и сухо. На каменном полу стояли горшки, кувшины, груды мелкой посуды. В одном из углов лежала большая куча глины. В другом возле гончарного круга сидел человек.

Герман пригляделся – это был мальчик, одетый в такие же, как у него самого, грубые штаны и рубаху. Маленький работник одновременно и вращал круг, и, сдвливая глину руками, придавал форму будущему кувшину.

Деомид подтолкнул сзади Германа:

– Заходи. Это моя мастерская. А это... – указал рукой на мальчика, – это мой подмастерье. Из него выйдет толк, если лениться не будет.

Работающий человечек, бросив взгляд на вошедших, ничего не сказал.

Герман засмотрелся на одну из стен мастерской. На ней

прямо по камню были нанесены цветные рисунки. Художник изобразил каких-то странных животных. Здесь была рыжая пятнистая корова с очень длинной шеей. А еще большая черная курица – обладательница роскошного павлиньего хвоста. Внизу плавала рыба, пускающая фонтан из спины...

– Твоя работа? – спросил Герман Деоида.

Тот усмехнулся и кивнул на подмастерье:

– Это не мое. Это – Луиза...

Герман понял, что мальчика-подмастерье зовут Луизом, похвалил его:

– Очень интересно нарисовано. Такое в художественной галерее нужно выставлять.

Луиз ничего не ответил. Герман же сообразил, что мальчик, скорее всего, просто не знает, что это такое – художественная галерея.

Деомид быстро показал свою гончарную «продукцию» и они пошли дальше по туннелю. В других помещениях Герман увидел работающих по двое – по трое мужчин. Они откалывали от горы куски серого камня и тут же обтесывали их, превращая в одинаковые аккуратные блоки.

– Этим и живем. – объяснял Деомид, – Как видишь, камень легкий и на вес, и для обработки. А еще он хорошо держит тепло зимой, и прохладу летом. Поэтому у нас его и берут охотно, как в гражданских поселениях, так и в бандитских. Так у людей мы вымениваем продукты для питания, одежду. А у бандитов, – Деомид вздохнул, – свою жизнь...

Герман с жалостью смотрел на каменотесов. Даже широкая одежда не скрывала их худобы. Все лица поселенцев были одинаково серы, в цвет горного камня. Герман кивнул сам себе, подумав, что со временем и он превратится в такого же серого человека. С таким же морщинами и шрамами на лице.

– Камень легкий, а жизнь тяжелая – сказал он вслух.

– Увы, – подтвердил Деомид, – на территории ВЮГО легкой жизни не бывает...

Когда они вышли из каменоломни, Герман спросил:

– А где у тебя женщины? Они чем-то другим заняты? В другом месте?

– Нет, – вздохнул Деомид, – Здесь работает все поселение. Большинство работников, которых ты видел, и есть женщины.

Герман засомневался:

– Они не похожи на женщин.

– И это очень хорошо. – сказал Деомид.

– Но почему? – не понял Герман.

Деомид объяснил:

– Больше шансов выжить... Именно поэтому все носят одинаковую «однополую» одежду. А особо красивые лица, приходится, к сожалению, уродовать шрамами.

Теперь Герман догадался:

– Чтобы сберечь от бандитов?

– Да, – подтвердил Деомид, – весь день наши женщины и юноши проводят в горе. И работают, и отдыхают, и за детьми

приглядывают, которые тут же играют, спят. Только в сумерках, когда снижается опасность того, что нагрянут бандиты, все возвращаются в поселение. Внутри горы воздух не здоровый, отравленный камнем. Дышать им нельзя долго. Но у нас нет другого выхода, кроме как проводить большую часть времени внутри горы...

Герман спросил:

– А почему бандиты реже нападают ночью?

Деомид рассказал:

– Большинство бандитов сами боятся друг друга и стараются не передвигаться в темное время суток по территории ВЮГО. Только очень голодные и обезумевшие промышляют по ночам. Такие банды обычно немногочисленны, но они очень агрессивны и безжалостны. И, конечно, было бы безопаснее вообще постоянно жить в горе, но, как я уже говорил, нельзя постоянно дышать этим отравленным воздухом...

Они вернулись в дом Германа и сели за стол напротив открытой двери. Проговорили до наступления сумерек. Когда же начало темнеть, Деомид внезапно прервал разговор:

– Идут.

Мимо открытых дверей молча, как призраки, прошли усталые люди. На руках у некоторых Герман видел маленьких детей. Те, что постарше, шли рядом.

– Сейчас все поможется под ручьем и разойдутся по своим домам, – сказал Деомид и добавил, – я тоже пойду к себе.

Если что – знаешь, где меня искать. До завтра!

– До завтра...

Герман проводил Деонида до двери и потом остался стоять у порога в задумчивости.

Вдруг кто-то вынырнул из темноты и попытался заглянуть в дом. Однако, наткнувшись на Германа, неизвестный ойкнул и, отскочив назад, снова стал невидимым. Послышались быстро удаляющиеся шаги.

Кто это был и чего он хотел, Герман не понял. Пожав плечами, закрыл дверь и лег спать.

4. Бандиты

Когда утром Герман открыл глаза, то увидел за столом знакомую фигуру.

– Проснулся... – сказал Деомид, – Я вот тебе поесть принес.

– Спасибо, – поблагодарил Герман, вставая с кровати.

Деомид же нетерпеливо смотрел на него:

– Что-нибудь надумал? Чем заниматься будешь? Могу из тебя хорошего гончара сделать. А то после меня во всем поселении, только один человек и останется при этом ремесле. А оно нам хорошую прибавку дает.

Герман покачал головой:

– Нет, к искусствам я не очень подходящ. Буду в горе работать. Как все. Рана моя заживает...

Ему было стыдно лепить горошки вместе с мальчиком-подмастерьем, когда рядом женщины рубят камень, вывозят его в темноте на тяжелых тачках по узким проходам горы.

– Что ж, – Деомид развел руками, – Дело хозяйское... Поешь и пойдем, покажу тебе твое рабочее место.

Они зашли в каменоломни тем же путем. Оставили за спиной основную туннель и повиляли по лабиринтам, поднимающимся вверх. Вышли к одной из вырубков, возле которой были и вчера. Там работало два человека, две женщины, как

теперь уже знал Герман.

– Вот, привел вам нового работника, – сказал Деомид, – научите его рубить-тесать камень, вывозить наружу.

Женщины вздохнули:

– Мужчина нам пригодиться...

Так начались рабочие будни Германа в каменоломнях. Он быстро освоил нехитрую технологию работы с киркой. В свете тусклой керосиновой лампы выдалбливал куски серого пористого камня из горы. Потом специальным инструментом там же на месте обтесывал добычу. Обломки мягкого камня быстро превращались в аккуратные блоки-кирпичи.

Весь день он с напарницами рубил, тесал и снова рубил. Женщины оказались несловоохотливыми, молчаливыми. Долбили камень, как будто ни о чем на свете больше не думая. И Герман не приставал к ним с расспросами, просто старался облегчить их работу, насколько это было возможно. Хватался за самые большие камни, грузил и толкал тачку к выходу из горы, подсвечивая путь керосиновой лампой. А женщины не благодарили его ни словами, ни взглядами. Только вздыхали все время.

В сумерках Герман вместе с другими работниками выходил из горы, выкладывал в аккуратные пирамидки дневную добычу камня на специальной площадке рядом с воротами. Потом вставал в очередь к ручью помыться. Люди монотонно сменяли друг друга под струями воды, совершенно не стесняясь своей наготы, заботясь только о том, чтобы не за-

держивать товарищей слишком долгой помывкой. В опускающейся на землю ночи все было безрадостным, унылым. Серый воздух. Серая вода. Серые тела.

Помывшись, Герман ужинал и ложился спать. Распорядок дня напоминал ему жизнь в лесном лагере, когда они рубили лес в паре с Олегом. Глядя же на гончара Деомида, Герман вспоминал погибшего учителя истории Анджея...

День за днем летели однообразно. Короткое серое утро в поселении. Серый рабочий день в горе. Быстрый серый вечер. Ночь. Да, только ночь была расцвечена всеми красками. Во сне Герман гулял с Евой в зеленом лесу. Они валялись на желто-белой ромашковой полянке. На венке, который сплела себе любимая, сидела красная божья коровка. И у Евы были алые губы. Герман тянулся, тянулся к ним...

Ни во сне, ни на яву он не мог себе представить, что Ева погибла. Герман был уверен, что они найдут друг друга. Обязательно найдут. Только вот когда и как, если он каждый день проводит в этой горе? Кто его и видит все это время, так это только две женщины-напарницы. И еще Деомид, который время от времени отвечает на возникающие у Германа вопросы.

– А чего все поселенцы неразговорчивые? С кем ни пытаюсь заговорить, все отмалчиваются...

– А о чем говорить? Новостей здесь нет. У многих попавших сюда действительно серьезные преступления за плечами, о которых никому вспоминать не хочется. Такие посе-

ленцы свою жизнь у нас воспринимают, как искупление. Те же, кто попал сюда из-за нелепости правосудия, видят в других перемещенных настоящих преступников и общаться с ними не стремятся. Многие замыкаются в себе. Даже те, кто живет семьями, почти друг с другом не разговаривают.

– А дети? Они здесь тоже какие-то тихие. Не кричат, не балуются...

– Дети берут пример с взрослых... И потом взрослые просто запрещают им общаться со сверстниками, рассказывать, кто их родители, почему здесь, о чем говорят, чем занимаются дома после работы. Но, конечно, за детьми не уследишь. Все равно они в горе собираются вместе. И играют, и болтают. Только осторожно...

– Может они вырастут нормальными людьми? Не обремененными грузом совершенных преступлений...

– Вряд ли. У нас здесь нет ни школы, ни вообще чего-либо специального для детей. И им ведь нельзя жить в поселении, приходится все время быть в горе, дышать вместе с взрослыми отравленным каменным воздухом. У нас много детей умирает...

Деомид показал Герману кладбище, находящееся недалеко от поселения. Маленьких холмиков было предостаточно. Да и большие свежие тоже имелись. Деомид качнул головой в сторону двух:

– Очень хорошие парни были. Недоучившиеся врачи. К ним в наше поселение даже из других мест приходили. А вот

судьба какая. Стольким людям помогли, а сами из-за болезни-лихорадки какой-то умерли. Оба в один день заболели, и в один же день богу душу отдали...

– А как их звали? – почему-то спросил Герман.

И услышал в ответ:

– Ярик и Славик.

Похоже, это были те самые ребята, про которых как-то рассказывала Ева. Их переместили просто из-за того, что они подшучивали над Эрастом...

После посещения кладбища Герман с особым чувством смотрел на встречающихся ему детей. Кто из них доживет до совершеннолетия? Кто станет будущим оплотом поселенцев?

Чаще всего Герман думал о Луизе. Этот подмастерье Деомиды, безусловно, был очень талантлив. Герман любил заходить в гончарное помещение и смотреть, как работает Луиз. У него были очень тонкие и ловкие руки. Луиз тщательно, но вместе с тем и быстро, и красиво расписывал горшки, наносил на них затейливый орнамент. А еще на стене гончарного помещения прибавлялись новые странные животные. Зеленая собака с длинной пастью, усеянной зубами. Рыжая кошка с огромной гривой и кисточкой на хвосте....

Мальчик при появлении Германа замирал и опускал голову. Он как будто стеснялся. Герману от такой реакции подмастерья тоже становилось неловко и он, быстро полюбовавшись картиной на стене, уходил.

Имелся в поселении и еще один человек, который заметно нервничал при появлении новичка рядом с собой. Это был Джером. С ним Деомид познакомил Германа еще во время первого похода в гору.

– Весь в отца, – вздыхал глава поселения, глядя на крепкого юношу, – вот только к чему это приведет?

Джером был явно не рад появлению Германа в поселении. Он, очевидно, переживал себя наследником Деомида и ему совершенно не нужен был конкурент.

Глава поселения, как-то зайдя к Герману вечером, рассказал:

– За несколько дней до того, как пошел я в этот раз к мосту, рядом со мной в туннеле обвалился потолок. Упал огромный камень. Чудом не на голову мне. Я потом все там осмотрел. Никакого обвала не должно было быть. Кто-то специально подрубил выступ, чтобы от него отвалился большой камень. И еще кусок веревки там нашел. Кто-то дернул, чтобы камень упал в нужный момент. Ну, когда я по туннелю проходил... У меня нет доказательств, но устроить этот обвал, кроме как Джерому, некому. – Деомид внимательно посмотрел на Германа, – Я это тебе рассказываю для того, чтобы ты понимал все происходящее здесь, чтобы был осторожнее и в горе, и около. На тебя тоже может свалиться камень или что-то другое...

Да, взгляд Джерома во время его встреч с Германом не был добрым. Хотя, скорее всего, добрым он не был вообще

никогда. Джером чем-то напоминал Герману Эраста.

В один из дней Герман предложил Деомиду:

– Слушай, может все-таки в поселении какой-нибудь выходной устроить. Или праздник. Думаю, людям плохо здесь не только от работы и плохого воздуха. Надо иногда их встряхивать, отрывать от работы и печальных размышлений. У нас, помню, в офисе после вечеринок всегда как-то веселее становилось. Жизнь казалась не такой однообразной и мрачной.

Деомид почесал затылок:

– Конечно, может быть ты и прав. Но только что делать-то в этот праздник? Нет у нас здесь никаких развлечений. Я когда-то пытался ввести выходной день, так люди просто провели его на территории поселения, потому что выходить за нее опасно. Все слонялись между горой и воротами, наталкивались друг на друга, ругались и в конце концов расходились по домам. Там от нечего делать тоже ругались уже внутри семей. И потом снова уходили в гору. Больше некуда. А там, в горе, просто так сидеть и холодно, и сам со своими мыслями начинаешь ругаться. Потому что здесь все только и делают, что работают...

Герман тоже почесал затылок, но засыпая вечером, продолжил, тем не менее, думать о выходном дне. Он вспоминал игры, в которые играл в детстве с родителями и друзьями, и еще как они с Гиви и Сэмом развлекались после работы, и как веселились с Эликой на выходные. Когда она еще была

с ним...

От игр его мысли перетекли к делу. Подумалось о том, что Арон был не таким уж и плохим начальником. И может быть не стоило так резко уходить из «ЛокИнформ»...

Потом Герман увидел Еву в голубом платье. Она шла на встречу по городской улице и что-то говорила, улыбаясь своими алыми. Герман напряг слух и проснулся. Хотел подосадовать, что такое чудесное видение прервалось в самый неподходящий момент, но услышал какой-то голос уже наяву:

– Так вот ты где?

Герман прислушался. Это был знакомый мужской голос:

– Наконец-то, тебя нашел. К себе почему-то после работы не пошла. А возле этого дома что делаешь? Наверное, меня ждешь?

Тут же взвизгнула и быстро, громко заговорила девушка:

– Пусти! Отпусти меня! Я Деомиду все расскажу! Все! Отпусти! Отпусти меня!

Мужской голос был спокоен:

– Иди, пожалуйста Деомиду. Да мне плевать и на него, и на всех здесь. А ты моя. Только моя. Так что давай лучше по-хорошему...

– Пусти!

Герман быстро встал, открыл дверь и вышел на порог. Увидел, как кто-то тут же бросился за дом. Еще один человек медленно поднялся с земли. Несмотря на темноту, Герман

понял, кто это. Джером, ни сказав ни слова и только сплюнув, медленно пошел по улочке-тропиночке между домов. Как только его фигура скрылась из вида, перед Германом появился запыхавшийся Деомид:

– Пойдем к воротам.

– Что-то случилось? – встревожился Герман.

– Да, – сказал Деомид, – идем быстрее.

Они подошли к воротам, у которых уже стояло несколько мужчин поселения. Леон, сидящий на верхней ступеньке лестницы, громко шептал вниз:

– Говорю вам, там точно кто-то шныряет в темноте. Но кто точно, не могу сказать. Глаз у меня уже не тот...

Деомид вздохнул:

– Мы все тут полуслепые...

Герман тут же залез к Леону. Напряг глаза, но в слабом свете луны ничего на пустыре перед поселением не увидел.

Леон указал рукой:

– Туда смотри.

Герман стал всматриваться в указанном направлении и заметил вдруг, что в одном месте земля как будто шевелится. Догадался, что это кто-то ползет. В сторону поселения.

– Ну что там? – спросил Деомид.

Герман, спустившись, подтвердил:

– Да, кто-то действительно ползет в нашу сторону.

Деомид тут же скомандовал:

– Леон, спускайся, уводи женщин и детей в гору. А вы ре-

бьята, собирайте остальных мужчин, доставайте оружие. Это явно бандиты...

Мужчины быстро разошлись. Деомид же протянул Герману вытянутый из-под рубахи пистолет:

– Держи. Лезь наверх и пальни пару раз. Если не попадешь ни в кого, то, может быть, получится просто спугнуть бандитов. Больше в такое время вести себя так некому.

Герман, взяв пистолет, спросил:

– Откуда?

Деомид объяснил:

– В поселении мастеровых умельцы делают. Нам, конечно, такого оружия иметь не положено. Но надо же чем-то отбиваться от мелких бандитов. Я его берегу, никогда за поселение не выношу...

Герман залез снова наверх, увидел, что шевеление на земле происходит уже гораздо ближе. И еще он разглядел, что ползущих на самом деле как минимум трое. Но может быть, рядом с ними был кто-то и еще. Нужно было всмотреться получше.

Пока Герман напряженно буравил взглядом слабо освещенное пространство перед поселением, мужчины снова собрались у ворот. Уже в большем количестве, и теперь у них в руках были ножи, палки. Поселенцы были готовы биться за свою какую-никакую, но все-таки жизнь.

Когда ползущие фигуры приблизились еще ближе и вдруг замерли, Герман понял, что бандиты готовятся к решитель-

ному броску на ворота. Не зная точного количества «ночных гостей» и их вооружения, не стоило допускать организованного нападения. Герман решил расстроить планы бандитов, показать, что поселенцы их заметили и готовы вступить в бой. Он прицелился и выстрелил в ближайшего прижавшегося к земле человека.

Тут же раздался вскрик. Судя по нему, Герман не промахнулся. Он выстрелил во вторую фигуру. Теперь уже никто не вскрикнул. Но зато с земли вскочили пятеро. И бросились они не к поселению, а от него.

Судя по бегству противника, эта бандитская атака была отбита. Однако, поселенцы-мужчины не расходились всю ночь, ожидая, что нападение может повториться. Герман продолжал напряженно всматриваться в темноту. Иногда ему казалось, что земля снова начинает шевелиться. Но стоило моргнуть несколько раз и он понимал, что привиделось. Бандиты не решились напасть еще раз.

Как только рассвело, Герман и Деомид вышли за ворота. Никого рядом с поселением они не обнаружили.

– Но похоже, ты кого-то ранил, – сказал Деомид, указывая на бурые пятна на земле, – Ему же хуже.

– Почему? – не понял Герман.

Деомид поморщился:

– Его добьют свои же.

– Добьют? – удивился Герман.

А Деомид спокойно объяснил:

– Конечно. Кто из бандитов будет возиться с раненым. Тем более что у ослабленных людей можно забрать одежду и... не только. Этого подранка если еще не съели, то съедят. Ты знаешь, как это делается...

Герман вздохнул:

– Что будем делать?

– Ничего. – пожал плечами Деомид, – Это не первое такое нападение. Я же тебе говорил, что ночами нападают только небольшие, никому не подчиняющиеся банды. Этой ночью члены нападавшей шайки поняли, что мы можем дать отпор. Поэтому к нам в ближайшее время они вряд ли сунутся. Тем более, что ты обеспечил их едой... Так что жизнь продолжается...

«Но разве это жизнь?» – подумал про себя Герман. В слух же, возвращая пистолет Деомиду, сказал другое:

– Эти не вернутся, но могут прийти другие. Надо бы серьезно заняться охраной лагеря. Сделать дальнюю сигнализацию, дополнительное ограждение, ловушки смастерить. Я умею все это делать. – он вспомнил Родиона. – У меня был хороший учитель...

Но Деомид на это лишь покачал головой:

– Ты, конечно, правильно думаешь. Вот только нельзя нам укрепляться.

– Почему? – не понял Герман.

Деомид указал на каменный забор:

– Потому что нам разрешили делать защиту только от та-

ких вот бродячих, никому не подчиняющихся банд. Если же мы озаботимся серьезной обороной, то Кривой подумает, что мы решили выйти из его подчинения. Тогда все поселение разрушат и перебьют всех, кто под руку попадет.

– Кривой? – переспросил Герман.

– Да, – кивнул Деомид, – Помнишь, я тебе рассказывал, что вся территория ВЮГО поделена между бандами. Так вот, наше поселение на территории Кривого. Вернее даже не его. Кривой только объезжает ее, собирает дань, разбирается с теми, кто не подчиняется. А над ним еще кто-то стоит. Я того человека не видел, и ничего о нем не знаю. И может быть это даже к лучшему...

Герман задумался:

– Значит, укрепляться нельзя.

Деомид подтвердил:

– Нельзя. Все, что нам позволяет Кривой, так это иметь хороший каменный забор да использовать в качестве оружия палки, кирки и лопаты. Пистолет, который есть у меня, как я тебе уже говорил, нелегальный. Кривой увидит – убьет. Решит, что я его замыслил пристрелить. Бандиты, они же все постоянно об одном и том же думают, как бы первым убить своего соседа по жизни...

У Германа после этого разговора как-то все мысли насчет праздника из головы улетучились. Какой тут может быть праздник, если все время ходишь под смертью.

Они вернулись на территорию поселения. Помогли Леону

запереть ворота. Деомид отправил всех в гору:

– Все, идем на рабочие места. Кто хочет спать, там и спите.

Кто не хочет, трудитесь...

Едва вся цепочка поселенцев втянулась в гору, как шедших последними Германа и Деомида догнал Леон:

– Едет автомобиль.

– Автомобиль? – не понял Герман.

– Ты не ослышался, – подтвердил Деомид, – в крупных бандах есть автомобили. Не знаю, откуда точно они тут взялись, может, остались со времени военной базы. Но их в мастерских ремонтируют, поддерживают на ходу. Керосинщики топливом снабжают, автомобильным маслом.

Герман предположил:

– Наверное, это кто-то из крупных бандитов едет. Днем. На автомобиле.

Деомид кивнул:

– Наверняка, это Кривой. Легок на помине.

– Что ему надо? – спросил Герман.

Деомид пожал плечами и крикнул идущим впереди поселенцам:

– Все – обратно. Построиться у ворот. К нам, похоже, Кривой приехал.

Герману же Деомид шепнул на ухо:

– Вы стройтесь, а сбегая вглубь, проверю, как там спрятаны наши женщины.

Все мужчины снова собрались у вновь же распахнутых во-

рот, встали в ряд.

К моменту, когда большой грузовой автомобиль медленно пересек неровное поле и въехал в поселение, запыхавшийся Деомид уже был рядом с Германом. В руках он держал расписной кувшин.

Грузовиков на самом деле оказалось два. Второй скрывался в пыли, поднятой колесами первого. Оба мощных авто имели пустые прицепы.

На территории поселения из кузовов остановившегося транспорта вылезло не меньше двух десятков человек с винтовками и автоматами. Все они ждали указаний приземистого крепкого человека со шрамом через правую щеку. Герман догадался, что этот бандит, покинувший автомобиль последним, очевидно, и есть Кривой.

Деомид почтено поздоровался. Однако, никто из бандитов на его приветствие не откликнулся. Кривой, внимательно осмотрев выстроившихся поселенцев, наконец, заметил Деоида:

– Что, не ждал?

Глава поселенцев, стараясь говорить как можно любезнее, ответил:

– Как же тебя не ждать. Вот камень для тебя приготовили в полном объеме... И потом, ты же наша защита. Вот только этой ночью кто-то пытался на нас напасть. И сейчас, наверное, издали наблюдает. Только теперь нам не страшно. Увидят, что к нам грузовики твои приезжали, и убегут, оставят

нас недоброжелатели в покое. Мы очень ценим тебя и твоих людей. Ты посмотри, какой я специально для тебя кувшин сделал. Сам расписал. – Деомид подал Кривому кувшин. – Ты же хотел кому-то подарок сделать.

Бандит глянул на преподнесенный кувшин одним глазом.

– Годится для подарка... Только ты мне зубы не заговаривай. У тебя же были дети- девочки, и ты меня просил, чтобы я их не забирал, подождал, пока подрастут. А что-то сейчас вообще ни одной бабы здесь не вижу.

– Умерли девочки, – вздохнул Деомид, – Не уберегли. И женщины здесь возле горы тоже как мухи мрут.

Кривой не поверил:

– Хочешь сказать, что вы тут совсем без баб живете. Врешь! – кивнул своим подручным, – проверить поселение!

Бандиты бросились по домам, а Кривой показал на кнут в руках оставшегося рядом с ним бандита:

– Если найдут хоть одну бабу, то я сам тебя на нем повешу, Деомид. Там, в лесу, чтобы обглодали тебя те, кто к вам ночью приходил.

Деомид очень естественно загорячился, на глазах его появились слезы:

– Не вру! Честное слово, не вру! Нет у нас теперь ни женщин, ни детей! Совсем плохо жить стали.

Но Кривой не хотел верить:

– Не только тебя, всех повешу.

Тогда Деомид показал рукой за ворота:

– Хочешь, могилки похоронные покажу. Детские.

Кривой пристально посмотрел на Деомида:

– Это мысль. Но только не просто покажи. Еще и раскопай, чтобы мы косточки молодые увидели-пощупали.

Деомир пожал плечами, обратился к Герману:

– Неси кирку, лопаты. Дома у меня возьми.

И только Герман собрался было исполнить указание главы поселения, как тот добавил:

– Только мы не знаем, от чего они все умерли. Если эта болезнь заразна, то нас потом не наказывай, мы и так бодем и мрем здесь...

Герман в нерешительности смотрел то на Деомида, то на Кривого:

– Так идти за киркой и лопатами?

Кривой поморщился. Видимо, ему не очень-то хотелось лезть в могилы с умершими от неизвестной заразы людьми. В это время из ближних и дальних домов стали возвращаться бандиты, отправленные на поиски спрятанных поселенцев:

– Нет никого!.. Пусто!..

Бандит покрутил в руках подаренный кувшин и сказал:

– Ладно. Только в следующий раз приготовьте мне женщин. Не знаю, где вы их возьмете, но чтоб имелись. Если я буду возвращаться каждый раз от вас без баб, мне не жить. Но сначала я успею разобраться с вами...

Глава поселения ничего не успел ответить. Кто-то из стоявших в ряд поселенцев крикнул:

– Врет Деомид! Врет он все!

– Врет? – удивленно переспросил Кривой, отыскивая взглядом кричавшего.

Из ряда поселенцев вышел Джером:

– Врет. Есть у него и дети, и женщины. Только он их прячет.

Кривой усмехнулся:

– Что скажешь, Деомид?

Герман был готов тут же своими руками придушить Джерома. Однако Деомид ничем не выдал своего волнения, ответил совершенно спокойно:

– Не обращай на него внимания. Больной он у нас на голову. Как повзрослел, так всюду ему женщины чудятся. А теперь вот еще и про детей говорить начал.

Но Джером бросился к ногам главного бандита:

– Я не больной. Я все знаю. Пойдем в гору, я покажу, где он их прячет. Только одну из них, одну девчонку мне отдашь.

Кривой кивнул двум своим подручным:

– Сходите с ним, проверьте. Только осторожно там, шеи не ломайте.

Джером, однако, не спешил встать на ноги, все пытался заглянуть Кривому в глаза:

– Но ты мне отдашь ту, на которую укажу. Обещаешь?

– Обещаю, – дернул покалеченной щекой Кривой.

Джером тут же вскочил на ноги и взмахом руки пригласил бандитов следовать за собой.

Герман посмотрел на Деоида. Тот по-прежнему казался безмятежным:

– Пустое беспокойство. Нет у нас женщин. Больной он у нас. Видения у него и причуды.

– Разберемся, – сказал Кривой и посмотрел на Германа, лицо которого, видимо, еще не стало таким же серым, как у всех поселенцев, – А это кто?

Деомид тут же ответил:

– Мой помощник. Хороший каменотес.

– Из недавно перемещенных?

– Да. – подтвердил Деомид.

– Ну-ну, – Кривой отвел глаза от Германа и сплюнул. – дай что-нибудь попить, а то в горле пересохло.

– Молочка? – заботливо спросил Деомид.

– Нет. – покачал головой Кривой, – Помню чай у тебя всегда был хороший.

– Да, конечно, – закивал Деомид, – сам готовлю из полевых травок. Сейчас все устроим, напоим высокого гостя. Идем ко мне в дом. А мои люди, – он кивнул Герману, – тем временем тебе камень загрузят.

Глава поселения увел Кривого и еще нескольких бандитов к себе в дом. Герман же вместе с другими поселенцами принялся грузить готовый камень на прицепы к автомобилям. Это была дань, за которой собственно и нагрянули «гости».

Когда утоливший жажду и поболтавший с Деомидом Кривой вернулся к воротам, то там его уже ждали и заполненные

камнем прицепа, и бандиты, ходившие вместе с Джеромом в гору:

– Никого не нашли. Да и кого там найдешь в темнотище...

Деомид тут же вставил слово:

– Когда я тебе обманывал.

Кривой нахмурился на растерянного Джерома:

– Ты нас хотел обмануть.

Парень попытался оправдаться:

– Нет. Они, правда, были. И женщины, и дети. Деомид их куда-то спрятал. В какое-то новое место.

Глава поселенцев на это развел руками:

– Ты же видишь, парень больной. Ему женщины за каждым углом мерещатся. С утра их в чужих домах искал. Потом решил, что они в горе. Теперь еще что-нибудь придумает...

Кривой ткнул пальцем в Джерома, но Деомид опередил, попросив:

– Не убивай убогого. Мы о нем позаботимся. Все-таки тварь божья.

Кривой махнул рукой и scomандовал:

– По машинам! – потом обернулся к Деомиду, – Только помни, что я тебе сказал. Не выполнишь, пеняй на себя.

Бандиты расселись по местам. Мощные грузовики плавно вытянули груженные прицепы с территории поселения.

Леон уже было взялся за створку ворот, чтобы закрыть их, как мимо него наружу бросился Джером. Оказавшись вне поселения, он обернулся и крикнул:

– Деомид, я найду их в следующий раз! Я вернусь! Я свое все равно возьму!

И тут же оседающее облако пыли, поднятое автомобилями, накрыло Джерома. Он скрылся из вида.

5. В поход

Герман помог Леону закрыть ворота. Все разошлись, и только Деомид стоял на месте. Вид у него был очень озабоченный. Взглянув на подошедшего Германа, глава поселения вздохнул:

– Боюсь, он правда вернется.

Герман удивился:

– Ты о Джероме? Мне кажется, со стороны Кривого нам угрожает гораздо большая опасность. Не можем же мы ему отдать наших женщин.

– Не можем и не отдадим, – покачал головой Деомид, – Как-нибудь отболтаюсь...

– А если не отболтаешься?

Деомид пожал плечами:

– Может и не перед кем будет отбалтываться. Наши «кураторы» часто меняются. До Кривого сюда приезжал Мохнатый, а до того – Ромео...

– Ромео? – изумился Герман.

– Да, – подтвердил глава поселения, – кличка у него такая была. Очень любвеобильная сволочь. Но кончил, как и все бандиты. Убил его как раз Мохнатый, просто чтобы занять хорошее место. Так что недолго еще наслаждаться властью и Кривому, который сменил Мохнатого... А вот Джером меня очень беспокоит. Папаша в нем окончательно победил...

Тут Герман вспомнил:

– А как же он не нашел наших женщин? Где они?

Деомид слабо улыбнулся:

– Не волнуйся, они в порядке... Джером ведь меня уже давно беспокоил. Он стал, чем дальше, тем чаще приставать к женщинам. Власть свою все время над ними показывал, которую ему никто не давал. Все норовил уединиться с кем-нибудь. Силой тянул за собой то одну, то другую... Я чувствовал, что добром это не кончится, и в тайне подготовил в горе специальную вырубку, которая закрывается со стороны главного туннеля камнями так, что если об этом помещении не знаешь, сам не найдешь. Вот и перепрятал туда всех наших женщин. Пойдем, освободим их.

Они пошли в гору. Шагая по темному туннелю за главой поселения Герман спросил:

– Ты так доверяешь мне. Чем я заслужит такое доверие?

Деомид бросил через плечо:

– Пока ни чем. Но у меня нет другого выхода. Я просто верю, что ты сможешь о нас позаботиться.

Они повиляли по уже знакомым Герману лабиринтам и неожиданно остановились там, где не было и намека на боковые ответвления или вырубки.

– Здесь, – сказал Деомид и сунул ладонь в трещину. – Помоги разобрать стену.

Герман тут же пришел на помощь.

Они вытянули из стены несколько хорошо подогнанных

блоков и протиснулись в темное пространство за ними.

– Здесь? – удивился Герман, – Здесь, похоже, никого нет.

Деомид не ответил, но чиркнул зажигалкой, которой он разжился у керосинщиков. Из темноты на Германа смотрели испуганные женские и детские глаза. Никто ничего не сказал. Все просто покорно ждали. Деоида ли, бандитов ли...

Глава поселения объявил:

– Опасность миновала. Расходитесь по своим рабочим местам.

Спрятанные люди послушно встали, потянулись к выходу из вырубki.

Неожиданно Герман ощутил, что кто-то нащупал его руку и сунул что-то в ладонь. Он не понял, что это за предмет, но положил его в карман штанов, чтобы разглядеть позже при нормальном свете.

Герман и Деомид последними вышли из вырубki, снова заложили в него вход. Глава поселения сказал:

– Пригодится еще. И может быть не раз. Меня не станет, ты будешь спасать наших женщин и детей.

Когда они пошли по туннелю, Герман покачал головой:

– Но не может же один человек защитить целое поселение.

Деомид согласился:

– Да нам бы еще парочку таких крепких ребят, как тот парень, которого я видел в поселении мастеровых... Его недавно переместили. И трудяга, и человек хороший. Я с ним разговаривал. К нам хотел переманить. Но он сказал, что чело-

век заводской, рабочий, привык с железкам возиться, а не с камнями...

– Крепкий, говоришь? – заинтересовался Герман.

– Очень крепкий, – вздохнул глава поселения, – Нам бы такой не помешал. Он так мне пожал на прощание руку. Такая сила...

– Сильная рука! – подумал вслух Герман.

А Деомид не понял и повторил:

– Да, сильная рука. Очень сильная...

Герман тут же попросил:

– Вспомни, опиши мне этого человека подробнее.

Деомид, как мог, рассказал о росте, лице приглянувшегося ему нового перемещенного. Описание было очень похоже на Сильную руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.